

МУХАБАД

— ЭТО ЛЮБОВЬ

Когда она приезжает в Индию или Непал, в Каир или Александрию — ее имя не требует перевода. «Мухабад» не только по-узбекски, но и на множестве восточных наречий означает «любовь». Когда она приезжает в Канаду, Польшу или Германию, искусство Мухабад Абдуллаевой понятно всем: на разных континентах критики и зрители, не сговариваясь, часто называют ее настоящей восточной танцовщицей. И этим своим званием молодая артистка балета Москонцерта гордится ничуть не меньше, чем победами на Всесоюзном конкурсе эстрады.

ЗА ДЕСЯТЬ лет работающей ни одного балетного спектакля, я стала бы вать в театре и всей душой «прикипела» к будущей профессии.

Вот так повезло Мухабад и, скажем сразу, повезло эстраднему танцу, который в ее лице обрел исполнительницу, ни на кого не похожую, смелую и мыслящую. Повезло ей не только с выбором профессии, но и с выбором постановщиков. Они неизменно ее единомышленники. Они понимают, что творческие интересы Мухабад находятся за пределами простого воспроизведения подлинных фольклорных образов, но всегда устремлены к большему и широким образным обобщениям. С самого начала ее профессиональной биографии по сей день сотрудничает с Мухабад Борис Завьялов.

Биография самой Измайловой пришлось на те годы, когда сам факт появления женщины-узбечки на сцене, да еще в балете, был в значительной степени поразителен, отчасти сенсационен.

Абдуллаева начала в шестидесятые годы. Ей было легче в смысле отсутствия препятствий. И в то же время возникла трудность, ибо необходимо было искать свой, резко отличный от Измайловой почерк, свою, ни у кого не взятую «напрокат» манеру, свое понимание сегодняшних задач хореографии.

И на пути поиска ее подстерегали самые разнообразные неожиданности. Но для Мухабад неожиданности до некоторой степени — норма творческой жизни.

— А знаете, — смеется Мухабад, — я совсем, ну, абсолютно не собиралась учиться танцевать. Нет, конечно, как большинство с удовольствием танцевала в кружке Дворца пионеров, но профессию очень рано выбрала совсем другую. Моя мама работала когда-то в Театре имени Мухомина. Папа играл в Театре имени Хаязы, а теперь трудится на Ташкентской киностудии. И еще в детстве я твердо решила пойти в драматические актрисы. А балетом увлеклась моя подружка. И исключительно из дружеской преданности я пошла с ней на экзамен в училище. Там педагоги неожиданно нашли мои длинные хорошими и приняли меня. Все произошло с волшебной быстротой, я даже опомниться не успела, как начался учебный год и чудеса приобщения к трудной и прекрасной науке балета. До той поры не смотрев-

ность» на музыку «Бахияны» Вилла-Лобоса. Так готова у нее «Вьетнамская баллада» — рассказ о трагической судьбе юноши и девушки, погибших от руки иноземных захватчиков. «Балладу» сочинил Валентин Манохин, чья изобретательность также сродни индивидуальности Мухабад. Недаром именно для нее сочинил он одну из интереснейших своих постановок — композицию на темы песен Имы Сумак.

— Понимаете, — объясняет Мухабад, — очень интересно, когда работаешь над чем-то новым и когда это новое — джунгли, звучащие и живущие в голове неповторимой певички, словно дыхание загадочной, нетронутой человеком природы. А в то же время в песнопениях Имы Сумак есть и нечто «жреческое», что должно было в какие-то моменты сказываться в самой пластике. И тут в начале работы совсем еще не ясно, к чему придется в конце, — действительно, будто прорастаешь сквозь лесные заросли, раздвигаешь ветки, отвоевывая все новые и новые отрезки, и вдруг выходишь на простор. И там — ослепительный свет солнца...

«Черное солнце» — так названа последняя премьера Мухабад, большой монолог, поставленный Борисом Завьяловым на музыку негритянского джаза. В номере — и восхищение танцовщицы плясками Африки, их темпераментом, их огнем, их пластической свободой. И дань восхищения народу, который нашел в своей душе и в своем сознании силы сбросить тысячелетиями «освященное» иго рабства. Мухабад так и задумала номер — в контрасте двух половин. Первая — образ Африки страждущей, опутанной незримыми цепями, но уже ощущающей неодолимую волю к свободе. Вторая часть — юный лик волевой страны, впервые вдохнувшей воздух независимости, впервые увидевшей лучи солнца.

...Танец на эстраде сегодня совершает стремительную эволюцию. Все осязатей становится его боевая агитационная направленность. Все очевидней множественность его еще недавно скрытых и открываемых ныне возможностей. Все больше молодых имен возникает в этой сфере. Среди них — имя Мухабад Абдуллаевой.

Она не отвечает на традиционный заключительный вопрос о планах на будущее. Она не торопится: «Надо подумать, надо поразмыслить». При всей предельной занятости Мухабад находит время и почитать (любимый жанр — роман, любимый автор — Лев Толстой), и домом заняться («Очень люблю дом!»), и с вязаньем посидеть. А главное — любит подумать.

Оттого, наверное, все, что выносит Мухабад на суд зрителей, чуждо суетливости, недоработанности. Это не «эстрадные однодневки», а произведения, рассчитанные на долгую и успешную жизнь.

Е. ЛУЦКАЯ.